

Представляем воспоминания о врачах, медицинских сестрах, медицинских учреждениях Новоуральска и Свердловской области из краеведческих изданий. Рассказываем о майоре, враче фронтового пункта (07.11.1918-09.08.2005).

Вспоминает ветеран «Жила я в Ленинграде, мечтала после окончания института ехать на Камчатку, работать там врачом. Тогда осваивали Север.

Началась война, я училась на пятом курсе медицинского института. Занятия были по 8–10 часов, после этого через день дежурства в госпитале по 12 часов в качестве помощника хирурга. Получали студенты продукты по карточкам служащего, то есть хлеба 125 граммов, крупы намного меньше рабочего. В обед нам давали чечевичную кашу-размазню бесплатно. Дома по графику дежурили во дворе, на чердаке, контролировали затемнение, тушили зажигательные бомбы.

8 сентября 1941 года – это начало блокады Ленинграда. Наши войска на Ленинградском фронте отступали. В этот день после занятий в медицинском институте и дежурстве в госпитале я с подружкой получила отгул. И по рекомендации подруг поехали с ней в Парголово (пригород Ленинграда) за картофелем. Доехали на трамвае до кольца, на поле набрали по вещевому мешку картошки, которую в поле выкопали не полностью. И вдруг кругом потемнело, зашумели машины, поднялась пыль на дороге, на большой скорости ехали наши военные, груженные свежей капустой, картофелем, техникой, что-то нам кричали, махали руками. Мы отошли от дороги, побеседовав между собой, решили, что нужно освободить территорию. И через несколько минут стало ещё темнее, и гул самолётов оглушил нас. Подняла глаза вверх, увидела на самолётах фашистский знак, летели они низко, строем по двадцать самолётов в пять рядов, а может, и больше.

Тут же раздался выстрел. Из автомата в меня целился один лётчик из кабины с улыбкой на лице, что-то говорил, кричал по-немецки. Я отскочила от неожиданности, испуга, воздушной волны в воронку, зацепившись за дерево, пуля со свистом попала в ствол дерева. Подруга моя оказалась лежащей на насыпи, поблизости. В таком положении мы находились несколько минут, наблюдая, куда летят эти самолёты. И тут мы увидели кусок неба над Ленинградом, защищенного сеткой с аэростатами, которые не дали им прорваться. Под обстрелом нашей артиллерии немецкие самолёты отступали на большой скорости и большой высоте. После поняли ужас происходящего, быстро выбрались и бегом к кольцу остановки. Местность мы не знали. Рядом, около остановки была ещё деревня. Когда подбежали к ней, из дома вышла бабушка со связкой ключей и козочкой на поводке.

Она испуганно спросила, как мы сюда попали, сообщила нам, что население деревни ещё утром выехало всё, осталась она одна сторожить дома, рядом немцы, здесь прифронтовая зона. После этого мы прибавили скорость вдоль рельсов, увидели вдали красный трамвай, стали кричать, махать руками, платками. Водитель трамвая привёз из Ленинграда жителей деревни Парголово, не знал, что это уже прифронтовая зона. Мы рассказали о своих происшествях, трамвай обратно на большой скорости мчал в Ленинград.

Приехали мы домой вечером. Когда я пришла во двор своего дома, то почувствовала ужасную усталость, голод, жажду, счастье, что я жива и не в плену, дома. А дома все собрались и оплакивали меня, так как маме на работе сообщили, что обстрел и наступление на Ленинград сегодня начался с Парголово направления.

Так я в этот день получила боевое крещение со своей подружкой Лёлей, а также на весь период войны стала предусмотрительной, внимательной, боялась плена.

В октябре нас выпустили из института врачами, направили на борьбу с детскими заболеваниями в детские больницы, детские консультации. Ленинград фашисты бомбили круглосуточно, обстреливали часто, периодами длительно, порайонно. Люди вначале бегали в бомбоубежища, а затем не было сил. Врачам давали пропуски, освобождающие от

их посещения во время тревоги. Город был затемнён, в это время не было электричества, пользовались фитильками, свечами.

В ноябре уже не было денег в городе, чтобы выплачивать зарплату. Я получила её только в октябре 700 рублей. Работала в детской консультации педиатром. Помещение консультации не отапливалось. Детей осматривали, прикрывая одеялом. Чернила в переручки замерзали, подписывать рецепт, больничный лист приходилось, вначале подышав на перо, подув теплого воздуха изо рта.

Детям до трёх лет выдавали 500 граммов соевого молока по рецепту в молочной кухне до января, после и его не стало. Врачи болели, умирали от истощения, приходилось обслуживать вызовы двух-трёх участков. Хлеба в это время врачам стали давать по рабочей норме 375 граммов, затем 500. Хлеб был с древесиной, тяжёлый, плохо размокал в кипятке, но хорошо впитывал кипяченую олифу.

В последнюю декаду декабря уже продуктов никаких в магазинах не было. Работали только хлебные магазины. Приём в консультации у меня был с 10 до 12 часов, после я приходила домой завтракать, съедала вымоченную горчицу из розетки, ставила её, заведенную на ночь с солью, она утоляла голод, после работы «суп» (вода) в трёхлитровом чугушке на двоих со щепоткой риса, пшена, соевых бобов. До февраля у нас ещё было какао, заваривали его в самоваре с солью. С мамой питались отдельно, она всё время получала рабочую карточку, делила хлеб на 2–3 приёма, я съедала в один раз вечером после работы. Люди умирали семьями, трупы валялись везде, подбирали их рабочие морга, хоронили в братских могилах.

На месяц участковым врачам выдавали один коробок спичек для освещения лестницы, номеров квартир. Лекарств в это время уже не было, кроме адреналина, дизентерийного бактериофага, детям делали гемотерапию по согласию родителей при заболеваниях. Зима была холодной, ветреной, снежной, температура была периодами минус 27–30°C в районе Московского вокзала, Аничкова моста.

Воды в водопроводе не было, ходили за водой на Неву с разной посудой. Трамваи не ходили, были завалены снегом. Больных детей было много с разными инфекциями, пневмониями на фоне дистрофии разных степеней. Госпитализация прекращена. Новый 1942 год встречали все голодные, без хлеба, который забрали 30 декабря 1941 года, так как не выдерживали и брали за день вперед, больше не давали.

В феврале 1942 года заболела дистрофией второй степени. Мама уже к тому времени болела, папа был инвалидом и работал на предприятии, которое эвакуировали в конце февраля.

В 1942 году мама умерла, когда ее эвакуировали. Я тоже получила разрешение из районного военкомата на эвакуацию. Прибыла в Калининскую область в мае 1942 года. Пошла в райздрав устраиваться на работу, а там удивились моему истощенному виду и большому желанию работать. Устроили меня на одну ставку с условием, что я буду работать с 8 до 12 часов в детских яслях для сирот Калининского фронта.

В июле я была командирована в деревню на борьбу с сыпным тифом. А в марте 1943 года мобилизована в действующую армию. Служила во фронтовом лагере для военнопленных №41 2-го Прибалтийского фронта.

В 1944 году я служила в сборном пункте военнопленных № 2 2-го Прибалтийского фронта в звании старшего лейтенанта медицинской службы.

В июне наша часть стояла в латвийской деревне. Помню один случай. Враг отступал, обороняясь отчаянно. С немецкой аккуратностью и точностью, минута в минуту, начинали бомбить. И вот, когда нам надо было сдать 1022 военнопленных, начальника, который должен был их принять, и его охраны не оказалось на месте. Немцы сбрасывали зажигательные бомбы по пункту. Началась паника, крики о помощи. В считанные секунды принимаем решение. И практически мы, два вооруженных человека (я и майор), вывели огромную группу людей в лес и спасли от бомб. Когда все стихло, на следующий день приехали начальники из Москвы и были удивлены такому происшествию. За этот случай меня хотели представить к награде, ордену Красной Звезды. Об этом случае была заметка во фронтовой газете. Но орден мне не дали, сказали, что это были не свои солдаты, а военнопленные. И вручили мне медаль «За боевые заслуги». Кроме этой награды имею медали «За победу над Германией», «За оборону Москвы».

Чудомех Нина Васильевна // Судьбы фронтовые. Новоуральцы - участники Великой Отечественной войны / сост. Л. Гольшева, О. Горбунова, О. Жидкова [и др.]. - Новоуральск. - С. 161 : фот.

Материал подготовила Анна Ларионова.